

СПОРЫ О ФРАНЦУЗСКОМ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМЕ. ОТ ИСЛАМИЗАЦИИ РАДИКАЛИЗМА К РАДИКАЛИЗАЦИИ ИСЛАМА?

Осипов Евгений Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00482.

E-mail: eaossipov@gmail.com

Researcher ID: L-7995-2016

Аннотация. Уже много лет во Франции идет спор о роли ислама в процессе радикализации молодежи и нарастании социальной напряженности в обществе, в котором одни говорят об «исламизации радикализма», минимизируя религиозную составляющую и делая акцент на социально-экономических факторах (высокая безработица, трудности в получении качественного образования, более низкий уровень жизни) в беспокойных пригородах крупных городов, а другие, наоборот, считают, что происходит «радикализация ислама», в которой исламисты играют ключевую роль. На протяжении долгого времени научное и университетское сообщество Франции придерживалось умеренного подхода, склоняясь скорее к тезису об исламизации радикализма.

Однако жестокие террористические акты 2015–2016 гг. во Франции, участие множества джихадистов с французскими паспортами в войне в Сирии и их последующее возвращение во Францию после краха Исламского государства подтолкнули серьезные французские научные центры к более тщательному изучению именно исламского фактора и особенно роли фундаменталистских, экстремистских течений в процессе религиозной радикализации молодежи в стране.

В статье сделан акцент на вышедших в последнее время работах, в которых подробно анализируется возрастающая роль религиозных фундаменталистов, прежде всего салафитов. Особого внимания заслуживает описанный в них механизм распространения исламистами своего влияния во Франции через районные мечети, школы, библиотеки, спортивные центры и тюрьмы. Общая тональность этих исследований и то огромное внимание, которое они привлекли к себе в СМИ, позволяют говорить, что в споре между сторонниками «исламизации радикализма» и «радикализации ислама» происходит перелом в пользу последних.

Ключевые слова: Франция, ислам, идентичность, радикализм, Пятая республика.

Ye. A. Ossipov

French multiculturalism. From Islamization of Radicalism to Radicalization of Islam?

Evgeny Osipov, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

The article is part of a project supported by the Russian Science Foundation (№ 20-18-00482).

E-mail: eaossipov@gmail.com

Researcher ID: L-7995-2016

Abstract. For many years, there has been a debate in France about the role of Islam in the radicalization of the youth and the growth of social tension in French society where some speak of the “Islamization of radicalism”, minimizing the religious component and focusing on socio-economic factors, such as high unemployment, difficulties in obtaining quality education, lower living standards, in the turbulent suburbs of large cities, while others, on the contrary, believe that there is the “radicalization of Islam”,

in which Islamists play a key role. For a long time, the academic community in France adhered to a moderate approach, tending more towards the thesis of the Islamization of radicalism.

However, the brutal terrorist attacks of 2015–2016 in France, the participation of large numbers of jihadists with French passports in the war in Syria and their subsequent return to the Fifth Republic after the collapse of the Islamic State forced serious French research centres to pay closer attention to the activities of radical religious groups in the country.

The article focuses on recent studies that analyze in detail the growing role of fundamentalists, primarily the Salafis. The general tone of these studies and the enormous attention that they have attracted in the media suggest that the controversy between the supporters of the «Islamization of radicalism» thesis and the proponents of the «radicalization of Islam» theory is turning in favour of the latter.

Keywords: France, Islam, identity, radicalism, the Fifth Republic.

Уже несколько десятилетий в интеллектуальном и университетском сообществе Франции идет спор о причинах радикализации французской молодежи, о роли ислама в этом процессе, о совместимости исламской традиции с республиканскими нормами, о реальности и мифах, которые окружают крайне политизированную тему сохранения национальной и религиозной идентичности страны. Для одних «гетторизация» пригородов крупных городов и радикализация молодежи связаны с социально-экономическими факторами, которые лишь внешне принимают религиозную форму, для других же это результат целенаправленной деятельности экстремистских, исламистских религиозных организаций, оказывающих все большее влияние на молодых мигрантов в Европе. Иными словами, спор идет между приверженцами идеи «исламизации радикализма» и, наоборот, «радикализации ислама». Неформальным лидером первых долгие годы является крупный востоковед Оливье Руа, вторых — не менее известный арабист Жиль Кепель.

В широких общественных кругах тема распространения ислама и влияния радикальных религиозных организаций давно является одной из ключевых. Не случайно очень популярна теория «великого замещения»¹, согласно которой мусульмане в Европе в скором времени естественным путем вытеснят христиан, а книга знаменитого писателя Мишеля Уэльбека «Покорность»² о возможной победе мусульманина на президентских выборах 2022 г. стала настоящим бестселлером. Однако для университетской среды, имеющей серьезное влияние на социально-политическую жизнь страны и традиционно тяготеющей к левому политическому спектру, Оливье Руа с его умеренным взглядом на роль ислама во Франции всегда был предпочтительнее «радикала» Жили Кепеля.

Один из главных тезисов Руа состоит в том, что политического ислама, который, как часто считают, хотят построить радикальные религиозные организации в Европе, не существует не только в Европе, но и в самих мусульманских странах. Он последовательно доказывает, что исламистские или неофундаменталистские организации по мере продвижения к власти в разных мусульманских странах все больше становятся частью внутренней политической игры, в которой радикализм уступает место национализму («исламо-национализм»), т.е. происходит «национализация исламизма»³. В итоге исламистские организации начинают преследовать цель «исламизации» отдельно взятой страны и отказываются от глобальных устремлений.

В качестве наиболее яркого примера приводится Иран, руководствующийся в своей политике исключительно национальными интересами⁴. Также палестинское движение Хамас, изначально упрекавшее Организацию освобождения Палестины (ООП) в излишней светскости, в итоге стало националистическим движением, обвиняющим ООП

¹ Camus R. Le Grand Remplacement. Introduction au remplacisme global. Paris, 2017.

² Уэльбек М. Покорность. М., 2016.

³ Roy O. L'islam mondialisé. Paris, 2002. P. 35.

⁴ Ibid. P. 36.

в предательстве национальных интересов⁵. Иными словами, по мнению Руа, исламистские движения преследуют конкретные политические цели, обусловленные скорее внутренней политической конъюнктурой, а не общей задачей по построению единого исламского политического пространства в мире.

Руа оспаривает и известный тезис о «реисламизации» мусульман, согласно которому в последние несколько десятилетий сначала на Ближнем Востоке, а потом и в Европе мусульмане как бы заново восприняли ислам, перейдя от культурно-бытовых форм к практической религии, часто в радикальной форме. Именно поэтому в мусульманских и во многих европейских странах стало гораздо больше женщин в мусульманских платках, а рынок халяльной продукции вырос в несколько раз. Часто говорят о «реисламизации» второго поколения мигрантов, т.е. о том, что дети первых мигрантов, приехавших во Францию в 1960–1970-х годах, оказались более религиозными, чем их родители, и именно у второго поколения возникли серьезные трудности с интеграцией во французское общество⁶.

По мнению же Руа, говорить стоит не про «реисламизацию», а про «аккультурацию», создание новых идентичностей, причем в основном на основе европейских ценностей, а не ценностей страны происхождения⁷. Действительно, арабская молодежь во Франции гораздо лучше говорит сегодня по-французски, чем по-арабски. Именно поэтому исламисты уделяют приоритетное внимание расширению курсов арабского языка при мечетях и различных культурных центрах, недаром в 2020 г. президент Франции Э. Макрон объявил о закрытии в стране программы ELCO⁸, в рамках которой несколько десятилетий арабский язык активно преподавался во французских школах. Больше того, культура «молодых бёров» (так называют арабское меньшинство во Франции) — это западная культура, и если обратить внимание на их предпочтения в одежде или музыке, то окажется, что мусульманская молодежь во Франции ближе к коренным французам или афроамериканцам, чем к молодежи Ближнего Востока.

Оливье Руа и его сторонники не отрицают факта исламизации некоторой части мусульманского населения в Европе, но считают, что так называемая «реисламизация» идет не на массовом уровне, а скорее в небольших маргинальных группах (около мечетей радикального толка или вокруг конкретного спортивного зала), что больше похоже на секты, чем на массовые религиозные организации. Такого рода «реисламизация» не имеет серьезных, тем более политических перспектив⁹.

Во Франции часто можно услышать про опасения перед исламским религиозным коммунитаризмом, т.е. процессом, при котором мусульманское сообщество в отдельных районах пытается навязывать свои нормы поведения, что приводит к глубоким социальным и даже политическим трансформациям в жизни этих районов. Именно в связи с религиозным коммунитаризмом популярной в стране стала дискуссия о территориях, «потерянных Республикой» или «захваченных исламизмом». Что касается Руа, то он отрицает сам факт существования «исламского сообщества» во Франции¹⁰. Известно, что на самом деле 2/3 французских мусульман живут вовсе не в пригородах¹¹. Более того, сами французские мусульмане очень разные и если и объединяются в группы, то скорее

⁵ Roy O. *Généalogie de l'islamisme*. Paris, 2011. P. 96.

⁶ Haut Conseil à l'intégration. *L'Islam dans la République*. Paris, 2010. P. 35.

⁷ Roy O. *L'Islam mondialisé*. Paris, 2002. P. 70.

⁸ Protéger les libertés en luttant contre le séparatisme islamiste : conférence de presse du Président Emmanuel Macron à Mulhouse. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/02/18/protoger-les-libertes-en-luttant-contre-le-separatisme-islamiste-conference-de-presse-du-president-emmanuel-macron-a-mulhouse> (дата обращения: 18.07.2020).

⁹ Roy O. *Généalogie de l'islamisme*. Paris, 2011. P. 108, 109.

¹⁰ Ibid. P. 105.

¹¹ Karoui H. *El. L'Islam, une religion française*. Paris, 2018. P. 36.

по национальному, а не по религиозному принципу. Так, есть пригороды и города, где преобладают алжирцы, в других — марокканцы и т.д.

Заметный рост числа женщин в мусульманских платках, скандалы с ношением религиозной одежды в школах, резкое увеличение рынка халяльной продукции в данном контексте свидетельствуют не о религиозном коммунитаризме, а об «идентитарном протесте»¹² французских мусульман, вызванном социально-экономическими проблемами (более высокий уровень безработицы, более низкие зарплаты среди мусульманского населения, в целом более трудные условия жизни), а не религиозным фактором.

В целом Оливье Руа обращает внимание на то, что во Франции, как и во всей Западной Европе, в исламском вопросе смешивают этнический и религиозный факторы, что приводит к неправильному восприятию проблемы. В случае с мусульманами религия считается основным компонентом формирования идентичности и культуры. Эта культура приписывается индивиду вне зависимости от его подлинного вероисповедания. Во Франции сегодня араб-атеист считается мусульманином по происхождению. Например, по результатам последнего масштабного исследования среди мусульманского населения Франции, проведенного парижским Институтом Монтеня в 2016 г., в Пятой республике проживают 5,7 млн мусульман, из которых 600 тысяч имеют родителей-мусульман, но сами себя к таковым не относят¹³.

Руа называет «абсурдным» тезис об «арабо-мусульманской»¹⁴ идентичности. Есть либо арабский мир, либо мусульманский, и марокканский еврей или ливанский христианин — это часть арабской, но не исламской культуры. Тем не менее во Франции все «мусульмане по происхождению» априори зачисляются в группу мусульман. Из-за такого неправильного подхода и возникают впоследствии теории о монолитном мусульманском сообществе или исламском коммунитаризме, которые на самом деле существуют только в воображаемом пространстве.

Главное заключается в том, что фундаменталисты, прежде всего салафиты, при работе с европейскими мусульманами используют западную терминологию и западное восприятие ислама, стремясь создать из пригородов крупных городов закрытые гетто, т.е. как раз сделать реальностью «исламский коммунитаризм», который основывался бы на радикальном прочтении ислама вне зависимости от этнического происхождения конкретного мусульманина. Ложное восприятие религиозности и этничности со стороны общества и власти, таким образом, облегчает радикальным религиозным группировкам работу с мусульманским населением. Большая часть французских мусульман, придерживающаяся умеренных религиозных взглядов и не испытывающая серьезных проблем с интеграцией во французское общество, оказывается зажатой между государством, которое борется с мифическим «коммунитаризмом», и радикальными организациями, которые ставят своей целью как раз создание такого коммунитаризма. Соответственно, по мнению Руа, нет массовой радикализации ислама, но есть представляющие меньшинство мусульман радикальные организации, которые успешно играют на социально-экономическом поле в трудных районах, привлекая к себе радикалов всех мастей и монополизируя тем самым радикализм, т.е. речь идет скорее об «исламизации радикализма»¹⁵.

Как уже отмечалось выше, на протяжении долгого времени в научных и университетских кругах Франции взгляды Руа и его сторонников были доминирующими. К Жильо Кепелю все это время также прислушивались, но считалось, что его исследования больше ориентированы на Ближний Восток, чем Западную Европу. Однако в последние несколько лет целый ряд серьезных научных французских институтов опубликовал работы о роли ислама во Франции. Новый вектор в исследованиях появился в связи с чередой

¹² Roy O. *L'islam mondialisé*. Paris, 2002. P. 12.

¹³ Karoui H. *El*. Op. cit. P. 25.

¹⁴ Roy O. *L'islam mondialisé*. P. 12.

¹⁵ Roy O. *Le Djihad et la mort*. Paris, 2016.

терактов, совершенных во Франции в 2015–2016 гг., и с появлением Исламского государства (ИГ), на стороне которого сражалось множество джихадистов с французскими паспортами (из Франции в Сирию в 2012–2018 гг. приехало около 2 тысяч джихадистов, это наибольшее число среди всех европейских стран¹⁶). Эти работы показывают, что подходить к вопросу религиозной радикализации молодежи преимущественно с социально-экономической точки зрения нельзя, поскольку французский ислам давно стал реальностью, а влияние радикальных, фундаменталистских организаций на французское общество постоянно возрастает.

Первым знаковым исследованием стала опубликованная в 2018 г. работа группы ученых, в основном социологов из Национального центра научных исследований (CNRS) и Института политических исследований (Sciences Po) под названием «Искушение радикализмом». Авторы рассмотрели взгляды 7 тысяч французских старшеклассников (ученики лицеев) из «трудных» пригородов. Один из основных выводов состоял в том, что принадлежность к исламской религии является ключевым фактором в радикализации французской молодежи. Так, 20% старшеклассников-мусульман считают возможным в определенных случаях «с оружием в руках сражаться за свою веру», тогда как среди школьников христианского вероисповедания таких всего 9%. Среди старшеклассников-мусульман расстрел журналистов «Шарли Эбдо» не осуждают полностью (не поддерживают, но высказывают аргументы, частично снимающие вину с террористов) 45% опрошенных (среди всех опрошенных в независимости от вероисповедания — 24%), а теракты ноября 2015 г. — 24% (среди всех опрошенных — 13%)¹⁷.

В 2020 г. вышли две книги, ставшие во Франции настоящими бестселлерами и которые могут оказаться поворотными в споре между «исламизацией радикализма» и «радикализацией ислама». Речь идет про «Территории, захваченные исламизмом» под редакцией Бернара Ружье и «Французский джихадизм. Кварталы. Сирия. Тюрьмы» Юго Мишерона. Интересно, что и Ружье, и Мишерон — ученики и последователи Жили Кепеля. Оба вступают в открытую полемику с Оливье Руа и показывают прямую зависимость между радикализацией части мусульманского населения Европы и деятельностью исламистов, а не сложной социально-экономической обстановкой в конкретных районах. Они обращают внимание на географическую диспропорцию. Например, в 2015 г. из французского города Трап в Сирию в качестве джихадистов отправились 80 человек (рекорд для Франции), в то же время из соседнего Шантлуп-Ле-Винь, испытывающего такие же экономические трудности как и Трап, не зафиксировано ни одного отъезда в Сирию. В целом исследование показывает, что так называемые «зоны чувствительной урбанизации» или просто «трудные районы» далеко не всегда связаны с географией религиозного радикализма¹⁸.

Большое внимание Ружье и Мишерон уделяют распространению салафитского движения — «ультраконсервативного» варианта ислама. Они пишут о «салафитской революции», которая на рубеже 1980–1990-х годов началась в мусульманских странах и затем перекинулась на Западную Европу. Одной из причин распространения салафизма стало упрощение и некоторая унификация ислама в мусульманских странах, произошедшие вследствие урбанизации и глубоких экономических трансформаций в мусульманских обществах. Подобные изменения были выгодны прежде всего фундаменталистским течениям. Значительную роль в «салафитской революции» сыграла Саудовская Аравия. Именно в результате усилий Эр-Рияда в 1969 г. в Брюсселе открылся Исламский культурный центр Бельгии, с деятельности которого началось распространение салафизма

¹⁶ Micheron H. Le Jihadisme français. Quartiers. Syrie. Prisons. Paris, 2020. P. 15.

¹⁷ La tentation radicale. Enquête auprès des lycéens / Sous la direction de O. Galland, A. Muxel. Paris, 2018. P. 124, 169.

¹⁸ Micheron H. Op. cit. P. 16–17.

в Европе¹⁹. Также отметим, что в конце 1990-х годов в период гражданской войны в Алжире президент А. Бутефлика заключил соглашение с саудитами, по которому они должны были способствовать прекращению джихадистского насилия, взамен получая возможность внедрения исламизма салафитской направленности в культурную и социальную жизнь Алжира²⁰, что оказало серьезное влияние на развитие исламизма не только в Алжире, но и во Франции и Бельгии. В целом салафиты уже на протяжении нескольких десятилетий целенаправленно пытаются помешать европейским мусульманам успешно интегрироваться в европейское общество, стремясь построить в Европе внутренне монолитное исламское сообщество со своими законами и нормами.

Распространение салафизма (как и джихадизма) в Европе ускорилося после 11 сентября 2001 г. По словам Мишерона, «атака на башни-близнецы в Нью-Йорке представляет собой поворотный момент, начиная с которого речи радикальных проповедников будут находить гораздо более сильный отклик среди мусульманской молодежи Франции»²¹.

Подлинный же успех салафизма во Франции начинается в 2005 г., когда фундаменталисты приняли активное участие в организации массовых беспорядков в пригородах крупных французских городов. Помимо самих беспорядков важно то, что в этот период произошло перераспределение ролей внутри радикального ислама. В самый разгар беспорядков Союз мусульманских организаций Франции, близкий к «Братьям-мусульманам», выпустил фетву о запрете городского насилия и сожжения автомобилей. На следующий день вместо прекращения беспорядков было сожжено рекордное количество машин. Происшедшее означало потерю влияния в пригородах давно обвиняемых в связях с государственной властью «Братьев-мусульман» и резкий рост популярности гораздо более радикального салафизма²².

Тогда же, в 2005 г., состоялся и первый скандал с карикатурами на пророка Мухаммеда, напечатанными в датской газете «Юлландс-Постен». Изначально сама публикация карикатур прошла незамеченной в мусульманском мире, однако салафитские организации добились того, чтобы о факте карикатур узнали по всему миру, и в итоге разразился нешуточный скандал²³. Салафитская кампания против карикатур преследовала две основные цели: доказать несовместимость ислама с европейскими представлениями о свободе слова, а также спровоцировать международную кампанию солидарности в мусульманском мире с целью дальнейшего продвижения салафизма на Ближнем Востоке и в Европе, что в итоге и было достигнуто²⁴.

2005 г. стал также и точкой отчета к значительному увеличению количества «постколониальных исследований» во французских университетах. Многие из писавших на эту тему и защищавших диссертации были одновременно и политическими активистами. Университетский статус способствовал «легитимизации» борцов с расизмом и исламофобией, что опять же вело к росту популярности салафитов с их радикальным взглядом на историю.

Одно из достоинств книг Ружье и Мишерона в том, что в них описана методика действий фундаменталистов. Авторы обращают внимание на смешение, конвергенцию различных исламистских течений. Так, раньше существовала принципиальная разница между, например, салафитами и «Братьями-мусульманами», радикальный ислам был расколот на множество течений. Оливье Руа, как упоминалось выше, по-прежнему считает, что эта разница остается и, соответственно, объединение разрозненных групп вряд ли возможно. Мишерон же пишет про «догматическую салафизацию» «Братьев-мусульман» и других

¹⁹ Les territoires conquis de l'islamisme / Sous la direction de Bernard Rougier. Paris, 2020. P. 31.

²⁰ Ibid. P. 32.

²¹ Micheron H. Op. cit. P. 69.

²² Karoui H. El. La fabrique de l'islamisme. Institut Montaigne. Rapport. Septembre 2018. Paris, 2018. P. 445.

²³ Les territoires conquis de l'islamisme / Sous la direction de Bernard Rougier. Paris, 2020. P. 33.

²⁴ Ibid. P. 33–34.

радикальных группировок. Сегодня во многих районах Франции мечети, тяготеющие к «Братьям-мусульманам», прекрасно соседствуют с салафитскими, молодые люди спокойно переходят из одной в другую, общаются между собой, фактически, составляют одно сообщество. Мишерон приводит в своей книге высказывание известного исламского теолога Мустафы Касти, связанного с Исламским культурным центром Бельгии: «В предыдущих поколениях был раскол, который полностью преодолен в новом поколении, которое не относит себя ни к салафитам, ни к “Братьям-мусульманам”... Есть те, которые сегодня соотносят себя с салафитами, завтра они будут ближе к “Братьям-мусульманам”, и я считаю, что это правильно. Я рад, что этого раскола больше нет»²⁵. Эта цитата снова отсылает нас к «банализации салафизма», который из маргинального ультрарадикального течения превратился в одно из самых популярных направлений ислама во Франции и в Европе в целом и стал совместим с другими радикальными течениями.

Естественное место распространения ислама в Европе, как умеренного, так и радикального, — мечети. Если говорить о радикальных формах ислама, то речь скорее не о больших соборных мечетях, а о маленьких, районных, которые тем не менее становятся местом притяжения для молодежи. В том, что радикальные имамы и проповедники в пригородах добиваются всё большего успеха, согласны и сторонники Оливье Руа, и Жилья Кепеля, только для первых это проявление «сектантства», не затрагивающего большую часть мусульманского населения, а для вторых опасная, набирающая силу тенденция.

Значительное внимание салафиты уделяют библиотекам и в целом книжному рынку. Уже более 20 лет они, по сути, контролируют исламские библиотеки во Франции. И сегодня в подавляющем большинстве случаев книга по исламской тематике, продаваемая во Франции, носит салафитский характер. Причем это касается не только содержания книг, но и типа продаваемой литературы. Так, в последние годы резко возросло количество продаваемых текстов и переводов, относящихся к раннему периоду истории ислама и написанных ближайшими сподвижниками Пророка, именно такого рода тексты являются основой салафитской идеологии. Большое количество книг салафитского толка во французских библиотеках, очевидно, приводит к тому, что у французских мусульман, интересующихся исламской литературой, складывается впечатление, что салафизм — ведущее направление в современном исламе²⁶.

Еще одно место распространения радикальных форм ислама — тюрьмы. В последние годы опубликовано несколько знаковых исследований²⁷, где доказывается, что тюрьмы — основной источник европейского джихадизма, наиболее радикальной формы исламизма, открыто призывающей к насилию вообще и совершению террористических актов в частности. Как и в случае с салафизмом, джихадизм стал заметно популярнее после 11 сентября 2001 г. Тюрьмы в тот момент превратились, с одной стороны, в место внутренней мутации джихадистской идеологии, с другой — в источник ее распространения по Европе²⁸. Особенно заметно это стало после краха Исламского государства и заключения в тюрьмы значительного числа джихадистов, которые поменяли нормы и правила тюремной жизни, создав своеобразные исламистские «фаланстеры» в местах заключения.

Во Франции сегодня ислам — самая популярная религия среди заключенных. Мусульмане составляют от 40 до 60% заключенных Франции. Например, в парижском

²⁵ Micheron H. Op. cit. P. 90, 365.

²⁶ Les territoires conquis de l'islamisme / Sous la direction de Bernard Rougier. Paris, 2020. P. 63.

²⁷ Khosrokhavar F. Prisons de France. Violence, radicalisation, déshumanisation: surveillants et détenus parlent. Paris, 2016; Milhaud O. Séparer et punir. Une géographie des prisons françaises. Paris, 2017.

²⁸ Micheron H. Op. cit. P. 273.

регионе 50% заключенных требуют питание халяль и соблюдают пост в рамадан, а в тюрьме города Френ, где среди заключенных много джихадистов, — 70%²⁹.

Тюрьма — место не только концентрации самых радикальных форм исламизма, но и радикализации взглядов людей, до этого не увлекавшихся исламом. Более чем в 50% случаев джихадисты имеют уголовное прошлое, в 26% случаев радикализация происходит именно в тюрьме³⁰. Например, Шериф Куаши, расстрелявший в 2015 г. редакцию «Шарли Эбдо», и Амеди Кулибали, спустя два дня совершивший нападение на кошерный магазин в Париже, познакомились в 2007 г. в тюрьме и были там завербованы Джамелем Бегалем, работавшим на Аль-Каиду³¹. Выйдя на свободу, Куаши и Кулибали воспользовались тюремными связями для совершения терактов в 2015 г.

В целом начиная с 2015 г. произошли события, которые заметно изменили восприятие роли ислама и его радикальных, исламистских форм во французском обществе, в том числе в научной и университетской среде. Жестокие террористические акты 2015–2016 гг. на территории Франции до предела обострили и без того «горячую» для страны тему сохранения национальной и религиозной идентичности. Отъезд большого числа джихадистов с французскими паспортами в Сирию и заключение их в тюрьмы после крушения ИГИЛ расширили возможности для исследователей. Совершенные террористические акты, реакция на них людей в «трудных» районах, множество интервью с джихадистами, вернувшимися из Сирии, — все это впервые дало научным центрам во Франции практическую основу для проведения серьезных исследований, а не просто для выстраивания абстрактных теоретических конструкций, как это было в предшествующий период.

Как показывают многие новейшие исследования, радикализация мусульманской молодежи во Франции объясняется не столько социально-экономическими факторами, сколько целенаправленной работой радикальных фундаменталистских, прежде всего салафитских, организаций в мечетях, школах, спортивных центрах и тюрьмах. И если раньше университетское сообщество поддерживало скорее сторонников идеи «исламизации радикализма», для которых роль религии в процессе радикализации мусульман незначительна, то сегодня оно все больше начинает разделять взгляды сторонников «радикализации ислама», ставящих религию в центр происходящих процессов.

Библиография

- Уэльбек М. Покорность. М., 1916.
Camus R. Le Grand Remplacement. Introduction au rempalcisme global. Paris, 2017.
Haut Conseil à l'intégration. L'Islam dans la République. Paris, 2010.
Karoui H. El. La fabrique de l'islamisme. Institut Montaigne. Rapport. Septembre 2018. Paris.
Karoui H. El. L'Islam, une religion française. Paris, 2018.
Khosrokhavar F. Prisons de France. Violence, radicalisation, déshumanisation: surveillants et détenus parlent. Paris, 2016.
La tentation radicale. Enquête auprès des lycéens / Sous la direction de Galland O., Muxel A. Paris, 2018.
Les territoires conquis de l'islamisme / Sous la direction de Bernard Rougier. Paris, 2020.
Micheron H. Le Jihadisme français. Quartiers. Syrie. Prisons. Paris, 2020.
Milhaud O. Séparer et punir. Une géographie des prisons françaises. Paris, 2017.
Roy O. Généalogie de l'islamisme. Paris, 2011.
Roy O. L'islam mondialisé. Paris, 2002.
Roy O. Le Djihad et la mort. Paris, 2016.

²⁹ Ibid. P. 261.

³⁰ Les territoires conquis de l'islamisme / Sous la direction de Bernard Rougier. Paris, 2020. P. 341.

³¹ Ibid. P. 344.

References

- Houellebecq M.* Pokornost' [Obedience]. Moskva, 2016. (In Russ.)
- Camus R.* Le Grand Remplacement. Introduction au remplacisme global. Paris, 2017.
- Haut Conseil à l'intégration. L'Islam dans la République. Paris, 2010.
- Karoui H. El.* La fabrique de l'islamisme. Institut Montaigne. Rapport. Septembre 2018. Paris.
- Karoui H. El.* L'Islam, une religion française. Paris, 2018.
- Khosrokhavar F.* Prisons de France. Violence, radicalisation, déshumanisation: surveillants et détenus parlent. Paris, 2016.
- La tentation radicale. Enquête auprès des lycéens / Sous la direction de O. Galland, A. Muxel. Paris, 2018.
- Les territoires conquis de l'islamisme / Sous la direction de Bernard Rougier. Paris, 2020.
- Micheron H.* Le Jihadisme français. Quartiers. Syrie. Prisons. Paris, 2020.
- Milhaud O.* Séparer et punir. Une géographie des prisons françaises. Paris, 2017.
- Roy O.* Généalogie de l'islamisme. Paris, 2011.
- Roy O.* L'islam mondialisé. Paris, 2002.
- Roy O.* Le Djihad et la mort. Paris, 2016.